

ЕЛЕНА АНДРЕЕВА

ПЯТЬ ЛЕПЕСТКОВ

миниатюры

Лепесток первый. История без начала и конца

Юмореска – это не рассказ. В рассказе должны быть не только юмор и диалоги, в нем должны быть еще и мораль, и философия. И еще – неожиданная концовка. Во всяком случае, хотелось бы, чтобы она была неожиданной, ведь так намного интересней читать... Но попробуй все это разъясни своему ученику! Он до того уперт и уверен в том, что пишет не хуже Льва Толстого. Или способен расставить все точки над «і» подобно Жоржу Сименону.

– Вы отстали от жизни, Мисс Марпл, сейчас любые грани в искусстве стираются. Суть можно найти в чем угодно. Черный квадрат Малевича хранит в себе такое множество всего нераскрытого... А вы читали, к примеру, Мураками?

– Нет, не читала. Мне достаточно тебя, Посейдон.

Аудитория залилась веселым смехом.

– Как вы меня назвали, Мисс Марпл? – старшеклассник с изумлением уставился на неё.

– Фу, вы меня совсем сбили с толку своими псевдонимами...

– Все нормально, Мисс Марпл. Правда, Посейдон – это я. Он – Геракл, – невозмутимо поправил ее другой ученик.

– Ну, так как насчет моего произведения, Мисс Марпл? Почему вы считаете, что он не достойно считаться рассказом?

– Не «он», а «оно», Кулебякин. Вот тебе первая ошибка. И не надо называть меня «Мисс Марпл». При всем уважении к ней я не раскрываю преступлений.

...Итак, она попала в этот миленький городишко посреди живописных гор. С коттеджами, многочисленными лестницами и с не очень-то радушными жителями. Хотя кто знает – может, в ней все с первого же взгляда угадывают учительницу старших классов? Да еще и руководительницу литературного кружка, где всяк, пишущий, как бог на душу положит, считает себя гением. А кто сейчас их уважает, учителей? Бывшие ученики, в которых она не сумела разглядеть талант... Или еще страшнее – убила в зародыше будущего Умберто Эко или Габриэля Маркеса... Бред какой-то.

Каждый, мимо нее проходящий, – это бывший школяр-недоучка.

Что это с ней? Она что, уже всех ненавидит? Нет-нет... она должна дышать свежим воздухом и гулять. Именно для этого она сюда и попала, в этот живописный городок на другой планете. Должна же она хотя бы раз в жизни отдохнуть от кошмара, именуемого «преподаванием»!

А еще ей не следует быть одной и долго стоять на одном месте. А то еще подумают бог весть что.

Она оглянулась в поисках тропинки поживописнее.

– Здравствуйте... – послышалось за ее спиной.

– И вам не хворать, – сухо ответила она.

Мужчина был средних лет, с печальными глазами и густой бородкой. А еще у него на голове была смешная панамка.

– А вы явно заблудились, – стеснительно сказал он. – И это немудрено. Вы нездешняя, явно с планеты Земля.

– Здесь многие с планеты Земля, – ответила она, заставив себя улыбнуться. – Кто же еще ищет приключений, как не земляне?

– Но вы явно не ищете...

– Угадали во мне гуманитария? – она вскинула подбородок. – Иными словами, немодную и выцветшую, словно ветошь?

– У вас явно занижена самооценка, – грустно заметил мужчина.

– А вы явно любите часто повторять слово «явно»...

– Ну, вот мы и нашли с вами общий язык, – улыбнулся мужчина.

Он без спросу взял ее под руку. Они пошли по тропинке вдвоем. И ей почему-то сразу же расхотелось сопротивляться. Может, потому еще, что расхотелось быть одинокой и неудачливой в личной жизни.

Мужчина что-то рассказывал ей про моря и океаны. Но не научным языком, а увлекательно и живо, с примерами из своего житейского опыта. Постепенно он перешел на космическую тему...

– Вам не интересно? – вдруг спросил он, приостанавливаясь.

– О нет, напротив. Просто вы меня грузите интересной информацией, от которой кружится голова.

– Это от голода, – вежливо пояснил ее спутник. – И вся ваша ирония тоже от голода. Голод бывает не только физиологическим...

– Он бывает еще и галактическим, – перебила она его, невесело рассмеявшись.

– Держитесь за меня крепче, – велел мужчина. – Сейчас мы с вами будем брать штурмом самую крутую лестницу в мире. Целых сорок восемь овальных ступенек.

– Вы хотите заманить меня на небо? – снова рассмеялась она.

– Пока что – на свой космический корабль. А там – посмотрим на ваше поведение...

Ей стало казаться, что они поднимаются на очень высокую вершину, где непременно захватит дух от расстилающегося внизу вида, а вверху загорятся звезды – яркие, праздничные, совсем не такие, какие видны по ночам в ее городе. Даже небо поменяло свой цвет. Фиолетовые облака проплывали прямо над головой, причудливые, напоминающие сказочных гоблинов, горбатых морских коньков, лилипутов в забавных колпаках и шляпах...

Кстати, о шляпах.

– Мне нравится ваш головной убор, – деликатно намекнула она.

– Не беспокойтесь, лысины у меня нет, – с наигранным кавказским акцентом произнес он, снимая шляпу. – Просто обещали небольшой морозящий дождь.

Она изумилась, увидев настоящую копну волос на его голове.

– Волосы настоящие, можете убедиться, – поймав ее взгляд, он опустил на одно колено.

– Мне еще никто так оригинально не делал предложение, – пошутила она и смутилась. А он галантно поцеловал ей руку. И они продолжили восхождение.

...Дом, который она увидела перед собой, действительно напоминал космический корабль.

– Я, кажется, поняла: вы пришелец, – с легкой тревогой произнесла она.
– Натурализовавшийся, – легко согласился он. – А предки мои и вправду с другой планеты.

...На нее выжидательно смотрели детские глаза. Сорок восемь глаз.
(...когда-то и ей было сорок восемь...)

В этом классе она вела литературный кружок. Обучала вундеркиндов на свою голову.

– Так как, Зоя Павловна? – ученик был настойчив. – Вы по-прежнему считаете, что я написал обычную юмореску вместо рассказа?

– Я только хотела сказать, что там слишком много диалогов и конец неясен. И это явно не ваша история. Откуда вы взяли эту тему? Подозреваю, что весь этот абсурд сочинили не вы.

Ученик замялся.

– Смелее, Кулебякин тире Конан-Дойль, признавайтесь.

– Я... нашёл это в урне, – признался ученик. – Там было несколько исписанных листов. Наверное, кто-то выбросил дневник. Порвал его, хорошо, что не на клочки.

– Вот именно, Кулебякин. Согласитесь, стыдно выдавать чужие творения за свои. Тем более, что сами не можете придумать конец.

...Напрасно она тогда сбежала, посчитав, что не в ее стиле заводить легкомысленный курортный роман. Да еще с каким-то непонятым пришельцем.

Возраст не тот. Да и характер не позволяет.

А сейчас ей сколько? Страшно даже подумать... И все-таки она снова ищет эту «лестницу в небеса», словно ищет приключения... Несмотря на то, что ее спутника, вполне возможно, уже нет в живых. Или он жив, но разбит параличом. Или не разбит, но настолько стар и немощен, что за ним придется ухаживать всю оставшуюся жизнь. Ну что ж, на что только не согласишься, лишь бы не остаться окончательно одинокой...

Ее профессия и ее **любимые** ученики не в счет. Не пора ли эту странную юмореску действительно превратить в законченный рассказ? Какой бы конец тут ни предвиделся.

...Она не заметила, как чуть не стала жертвой пестро раскрашенного автомобиля с откидным верхом. И хоть автомобиль успел затормозить, она растянулась на асфальте, не покалечившись лишь чудом.

– Дамочка, вам явно надоело жить...

Над ней склонился мужчина, далеко не молодой, но все с той же аккуратной подстриженной седой бородкой, в шляпе и с тростью. Она зажмурилась, заглянув в его глубокие по-прежнему серые глаза, теперь уже в обрамлении мелких морщин.

– Когда вы наконец прекратите произносить слово «явно», – недовольно проворчала она, демонстративно отказываясь от его помощи и безуспешно пытаясь подняться самостоятельно.

– Смотрите-ка, я же ее еще и раздражаю, несмотря на то, что она сама лезет под колеса!.. – Он сел на асфальт рядом с ней и сдвинул шляпу на затылок. – Ну так что, полетели, или вы опять сбежите от меня, как в тот раз?

– Как же я сбегу, если мы оба сидим на асфальте и встать на ноги явно не можем? – ответила она и весело рассмеялась.

Лепесток второй. Подруга

Дом был, на мой взгляд, очень даже ничего. Просто из каких-то юношеских фантазий. Двухэтажный. Старый. Слегка покосившийся и порядком облупившийся. Даже детская на втором этаже выглядела как маленький захламленный сарайчик, по чистой случайности пристроенный сбоку. Внутри находились маленький столик у окна и продавленная, пыльная, но вполне удобная тахта для ночных сновидений. Явным преимуществом была каменная лестница с перилами, примыкавшая к детской снаружи. По ней можно было взобраться на верхний палисадничек, заросший кустами крыжовника и смородины, с паутиной внутри. А можно было спуститься прямо во двор. Для того, кто поднялся утром раньше всех, – милое дело воспользоваться этим путем, никого будить не приходится. А лестница внутри дома была узкой и отвратительно скрипучей, ночью по ней страшно было пройти. По этой лестнице в дом все время пыталась пробраться полугодовалая темно-коричневая догня по кличке Ильда. Она никак не хотела ютиться во дворе в качестве сторожевой дворняжки; но предусмотрительные хозяева, отнюдь не пылающие любовью к домашним животным, все время выталкивали ее обратно. Я как-то раз попробовала преградить Ильде дорогу; в ответ она меня облаяла, да так, что я ошарашенно присела на ступеньку. А догня, перепрыгнув через мою голову, растворилась где-то в глубине гостиной, которая также находилась на втором этаже и пол которой был покрыт ковролитом. Надо сказать, что ковры и ковровые дорожки, кем-то погрызенные и изъеденные, пережили в этом доме не одно поколение хозяев. Но все об этом тактично молчали. Ведь главное достоинство дома заключалось в его небывалом гостеприимстве. В следующий раз я похлопала догню по гладкому лоснящемуся боку и сказала:

– Ничего не попишешь, мы с тобой здесь гости.

В ответ она всю меня облизала шершавым языком, не побрезговав и надкушенным мною яблоком. «Мы с тобой одной крови, и все у нас с тобой общее», – говорили ее золотисто-карие глаза.

Пошла уже вторая неделя моего пребывания в этом доме, а заодно и моих летних каникул. Идиллия; она заключалась в том, что я с утра до вечера покачивалась в гамаке и слушала транзистор, по которому передавали песню в исполнении Ксении Георгиади, причем все время одну и ту же – про каштаны Киева и влюбленных под дождем. Гамак был натянут между двумя грушевыми деревьями («дюшес» – так назывался сорт ароматных до одури и очень сочных груш). Я жмурилась под солнцем, проникающим сквозь листву. А в это время хозяйка дома, искусственная блондинка, подбирала упавшие груши в соседнем саду, нисколько не боясь быть застигнутой за этим занятием («они ведь наши, – поясняла хозяйка, – с наших же деревьев упали»). Набрав полный фартук груш, она неспешно перелезала через забор обратно; проходя мимо гамака, она совала мне в руку темно-желтый плод.

Вот и сейчас в руке у меня оказалась груша.

– Завтра приедут еще одни гости, – сказала хозяйка.

Я пропустила ее слова мимо ушей, вонзив зубы в грушевую мякоть. Сейчас меня больше всего волновала судьба догини Ильды, которую, как я поняла, приобрели не так давно, перед самым нашим приездом. Приобрели как игрушку, не подумав о последствиях. А теперь ломают голову, как бы от нее избавиться, избавиться непременно, но так, чтобы не причинить вреда ни собаке, ни окружающим.

Вот так, Ильда, оно и бывает в этой жизни.

Догиня подошла и, почувяв, что я что-то ем, нажала черным носом на край гамака, чуть не вывалив меня на землю. Смачно засопела, прося дать хоть лизнуть грушу.

– Вот ведь отродье, – хозяйка хлестнула Ильзу по заду тряпкой. Илда зарычала и вцепилась в край тряпки зубами. Догини не спускают фамильярностей даже своим хозяевам. – И на фига он мне это чудище припер?! – это уже относилось к хозяйкиному сыну, который жил отдельно, на другом конце города. – Что же я зимой-то с этой скотиной буду делать?

– Построите отдельно дом с подогревом, – предложила я и с хрустом прикусила язык.

В отличие от вечно недовольных своей собакой хозяев, меня проделки Илды нисколько не раздражали, а даже, напротив, веселили. Не тащиться же каждый раз за развлечениями в город по булыжной извилистой улочке, тупо плутая между домами, сбивая подошву новых босоножек на тонких ремешках! Учитывая, что дом находился практически на вершине холма, спускаться вниз приходилось довольно долго. Даже для легковых автомобилей это являлось большим испытанием. Я все пыталась себе представить первоклашек и второклашек со своими ранцами, несущихся вприпрыжку и все равно опаздывающих на занятия. Валяться в гамаке тоже надоело, каким бы блаженством это ни казалось в начале дня.

Еще слегка раздражала одна незначительная с виду деталь – то, что на этом жилом райском участке было два туалета. Один – тот, в который запрещено было ходить, можно было только ночью или при неожиданном приступе большой надобности, размещался на первом этаже. Как и положено в приличных домах – с кафелем и чешским унитазом, с улыбочивыми японками в кимоно и в купальниках по стенам (из разобранного на листы огромного календаря, выпущенного в Стране Восходящего Солнца). Этот туалет был подлинной хозяйской гордостью; его двери распахивались перед каждым гостем с целью похвастаться. Чешским унитазом в компании улыбочивых японок мы пользовались по принципу «пока не застучали». Мы – это я, мои родители и некоторые гости. Второй туалет размещался в глубине двора и выглядел до тошноты прозаически: деревянная будка с дыркой в полу. Вот туда можно было сколько угодно и в любое время суток. А вот с ванной обстояло проще. Она была всего одна, в прихожей, и пряталась за тонкой занавеской...

...Хозяйка не обманула: где-то в середине недели действительно ввалились еще гости. Это была Ленка... да-да, это была почти моя ровесница и к тому же еще и тезка. Она обладала гренадёрскими плечами и бюстом четвертого размера. И светлой косой аж до поясницы. Мне этим летом должно было стукнуть шестнадцать; Ленке едва исполнилось пятнадцать. Характер у нее был тоже вполне гренадёрский. В общем, Ленку можно было считать симпатичной – с родинкой над верхней губой, ближе к левому крылу носа, с чуть раскосыми глазами, припухлыми губками... Да... Но с остальными частями тела ей не повезло: их словно Церетели валял. Одета она была в летний строгий костюм. Еще в ее гардеробе имелось точно такое же платье с воротником и юбкой ниже колен. Видно было, что стильными шмотками ее не баловали. О родителях Ленки деликатно не упоминали; зато за ней всюду следовали две родные бабульки. Одной было под девяносто – маленькая, сухонькая, но при этом прямая, как жердь. Другой было под пятьдесят, и фигурой Ленка явно пошла в нее. Голос у второй бабули был – таким только рабочими на стройке командовать...

...Ленка тут же протянула в знак приветствия руку, по-деловому. При этом бабулек своих она чуть ли не отфутболила ногой в белой босоножке; вообще она их

часто отпихивала от себя, как только умела. Потому что они постоянно «давили на ее суверенитет», как выражалась Ленка. За это бабульку, что помоложе, Ленка грозилась запереть в туалете – в том, что в глубине двора. На бабульку постарше Ленка силы тратить вообще не собиралась, ибо старушка в силу своего возраста могла помереть в любой момент...

Ленка ждала своего спасительного совершеннолетия и получения паспорта. И всего такого прочего – чтобы можно было не жить за чужой счет, а распоряжаться собой, как вздумается. И с кем вздумается. Того, что меня пугало в моей дальнейшей жизни, Ленка ждала, как манны небесной.

Мы с ней очень быстро подружились. Можно сказать, моментально.

Ура, у меня появилась подруга!

Догиня Ильда, впрочем, отнеслась к Ленке с полнейшим равнодушием. Может, аристократическая натура Ильды не выносила на дух какую-то там плебейку?.. Догиня даже лаем Ленку не удостаивала. Ленка отвечала Ильде тем же. А вот соседский пес Чапка, черный, приземистый и кривоногий, полюбил мою новую подругу всей душой, вопреки желанию Ленки. До этого Чапка редко появлялся на нашем дворе, через подкоп под гаражом своего хозяина, и лишь тогда, когда взрослых не было дома. Мы с Ленкой подкармливали его остатками обеда. Это было рискованно. Обеды здесь готовили нерегулярно, потому каждая порция была на учете. Обеды были на учете. А по мере того, как дом все наполнялся и наполнялся гостями, хозяйка поступила в высшей степени благоразумно: укатила на курорт, бросив всех нас на произвол судьбы. Таким образом, забота о хлебе насущном легла на плечи каждого из нас персонально. При этом обе Ленкины бабки умыли, что называется, руки: плотно уселись перед цветным телевизором «Рубин» и смотрели все подряд, лузгая семечки и усеивая шелухой и без того многострадальный ковролит. Иногда они не гнушались местными забегаловками, спускаясь для этого в город.

Но меня и мою новую подругу все это мало касалось.

Меня даже не интересовало, кем Ленка и сопровождающие ее лица приходились хозяйке нашей сказочной виллы. Что-то двоюродное или даже троюродное. Только одно я усекла: Ленка родом из Экибастуза, о существовании которого я в то время и не подозревала. Ленка гордо сказала, что Экибастуз – «угледобывающий промышленный район», и я живо представила себе Ленку, таскающую на спине тяжелые мешки с углем или вылезаящую из шахты с отбойным молотком на мощном плече, всю черную-пречерную, но с белозубой улыбкой... Именно так – в моем представлении – она и могла в то время заработать свои карманные деньги; не обчищала же она, в конце концов, кошельки своих горячо любимых бабулек, пока те предавались послеобеденному сну?.. Но так или иначе, Ленка совершала частые побеги в город во время всеобщего «тихого часа» и возвращалась с набором дешевых тканей, губной помады и прочей ерунды, громко именуемой тогда «косметикой». Мне при этом кое-что перепало. Так, например, на мои юные беззащитные ногти ложился ярко-красный, пугающий своей откровенностью маникюр.

В общем, у меня появилась подруга. Нас поселили вместе в каморке под названием «детская» – в свое время там ошивались внуки хозяйки, ныне подростки и разъехавшиеся. Бабулек же, к счастью, отправили в противоположную часть дома. И все были несказанно рады, что я перестану, наконец-то, ныть от скуки и бороться за права догини Ильды... Впрочем, как-то раз утром на Ильду накинута поводок и уволокли со двора насовсем. И я мысленно пожелала, чтобы собака нашла себе лучших хозяев...

Ленка чувствовала себя в доме как рыба в воде. Она как-то сразу стала здесь своей, и ей позволялось безнаказанно прикасаться ко всему, что она увидит – например, вставить в чужой магнитофон свою кассету и слушать громкую музыку. По вечерам мы с ней болтали без умолку до полуночи, а то и за полночь. В основном, вспоминали разные истории из своей жизни. Ленка могла распевать неприличные частушки (чем покорила мое сердце), а могла и вооружиться серьезной толстой книжкой и читать ее без отрыва... Бывало, я умоляла ее погасить настольную лампу, так как шел второй час ночи и хотелось спать. «Не могу, – отвечала Ленка, – я должна дочитать до конца». И добавляла при этом: «Скверный характер, правда?»

Музыкальный слух у моей подруги был абсолютным. Она перепевала песни популярных в то время исполнителей «диско», правда, на свой манер, и часто добавляя к словам русские нецензурные выражения. Кроме того, она обожала чешского певца Карела Готта и нашего Стаса Намина; вот этих-то она не смела коверкать или разбавлять нецензурщиной...

*Летний вечер теплый самый
Был у нас с тобой,
Разговаривали с нами
Волны и прибой...*

Я почувствовала, что тоже влюбляюсь в Стаса Намина...

*Уходили мы по гальке
От тепла воды,
Было жарко, было жалко –
Смыл прибой следы...*

И – в два голоса:

*Ле-етний вечер,
Ле-тний вечер,
Ле-е-е-етний вечер
Бу-удет сни-иться на-ам!*

При этом мы прохаживались туда-сюда по пустынному переулку, и нам со всех сторон «подпевали» псы за заборами домов. Особенно старался Чапка, который теперь всюду трусил за нами. Он по утрам протискивался в нашу каморку, убежав из своего дома через подкоп; минувя мою тахту, он подкрадывался к спящей на раскладушке Ленке и со всей дури прыгал на нее сверху.

Где-то в двенадцатом часу к нам аккуратно стучалась младшая из бабок, Зинаида, и сообщала о том, что завтрак готов, а после завтрака намечен поход по местам боевой и революционной славы, а также есть возможность еще раз посетить Лавру. Мне становилось нехорошо при одном упоминании о Лавре с ее забальзамированными телами монашек, а также костями и черепами в нишах каменных стен, нишах, освещенных слабым светом фонарей... Бр-р-р-р!!! Мне еще подумалось тогда, что сюда вполне можно было положить старшую из бабок, Ольгу, причем даже не бальзамируя... Но баба Ольга быстро рассеяла мои заблуждения: какое там помирать – она ни на шаг не отставала от молодых и даже ни разу ни охнула! Вот у бабы Зинаиды, тяжеловесной, одышливой, временами подсказывало артериальное давление, что никоим образом не сказывалось на ее аппетите: она поела шарик сливочного

мороженого, пила молочные коктейли... и все это за чужой счет.

...И вот как-то раз, в день моего рождения, утречком, пока еще не накрыли для завтрака длинный стол во дворе, мы с Ленкой отправились в последний в нашей жизни совместный поход. Чапка увязался за нами.

На мне был домашний халатик, который я наглухо, сверху донизу, застегнула на все шесть пуговиц. «Да ладно, кто там на тебя смотрит!» – Ленка потянула меня вверх по улочке, мощеной булыжником, и мы вскоре оказались возле узкой лазейки в высоком глухом деревянном заборе...

...Первой пролезла Ленка, раздвинув доски пошире. За ней смело последовала я, за мной просочился Чапка.

И мы втроем замерли, как вкопанные. Было, отчего остолбенеть.

Мы оказались в уголке знаменитого Ботанического сада, уголке, поросшем пихтами и папоротником.

Впереди был обрыв. Мы подошли к нему, ступая медленно, словно очарованные. У меня закружилась голова и захватило дух. Слева и далеко внизу величественно протекал Днепр, весь в веселых солнечных бликах. А через него протянулась натянутая струна, сверкающая, как зеркало, – мост Патона. По нему в обе стороны бежали маленькие машинки, а по краям двигались потоки людей...

Постояв у обрыва, мы двинулись в глубь сада, мимо растений и деревьев с пояснительными табличками. Мы не читали, что на них было написано; нам было интересно просто побродить по Ботаническому саду, без всякой системы, куда глаза глядят и ноги несут.

...Потом мы вышли к церкви, в которой шел ремонт. Храм был обнесен строительными лесами; у входа худощавый чернявый паренек пилил доски. При виде нас он неприветливо сказал с заметным украинским акцентом: «А ну пошли отсюда! Сами приперлись, да еще пса с собой притащили».

И сразу пропало все очарование момента.

Я ожидала, что Ленка ответит парню жестко, по-гренадерски, и приготовилась горой встать за подругу... но она почему-то промолчала. Потянула меня за руку, и мы пошли в обратном направлении.

...Расставались мы с Ленкой на железнодорожном вокзале, долго обнимались, пустили слезу. Я села в московский поезд, чтобы продолжить путешествие вместе с родителями. Ленке через пару дней предстояло вернуться в родной Экибастуз. Мы обещали переписываться. Но надолго нас не хватило – так часто бывает...

...И вот два года спустя я вновь очутилась в том же городе, в том же самом доме, но уже одна, без своей подруги Ленки. В один из дней, улучив момент, я вскочила за ворота и отправилась знакомым путем.

Шел дождь, мои подошвы оскальзывались на круглых мокрых булыжниках. По бокам улочки текли мутные потоки воды, неся всякий мелкий мусор. Я дважды поскользнулась, едва не упав, прежде чем добралась до самого верха. И...

Передо мной высилась неприступная кирпичная стена. Ни перелезть через нее, ни сделать под ней подкоп нечего было и думать. Рядом со стеной мокла огромная мусорная куча.

Сюрприз. Неприятный сюрприз. А с другой стороны – и Бог с ним. Какая разница, откуда смотреть на мост Патона?..

Я повернулась к стене спиной и пошла вниз по булыжной улочке.

Лепесток третий. Месть

...То, что ты Лолкин сын, я догадалась с первой же минуты. Некоторая угловатость, несколько неуклюжая походка, черные, как смоль, кудри, крупные черты лица. Но при всем при том ты был красавцем. Лолка тоже была красавицей четверть века назад. Еще она занималась спортом и неплохо рисовала, некоторые ее рисунки отбирали на конкурс. Впрочем, не в этом дело. Мы с ней когда-то были не разлей вода. В кино – вместе. На пляж – вместе. На танцы – вместе. И вместе же влюбились в Фархада, студента филфака, художого очкарика с тонкими чертами лица. Профессорского сына. Я тогда первая призналась, что влюблена. А вот Лолка долго делала вид, что полностью к нему равнодушна. Конечно, это было не так. Она то и дело поглядывала на него и делилась со мной сомнениями: мол, слишком худ, да умен слишком... и так далее.

Но если бы я тогда могла хоть что-то предположить!..

... – Не хочешь поехать в Черногорию? – предложила Лолка.

– Я думала, мы вместе...

– Вместе не получается. У меня соревнования.

– А откуда путевка?

– А тебе не все равно? Главное, что путевка горящая. Смотри, передумую.

В Черногорию я, конечно же, хотела. Сроду там не была.

...Там было Адриатическое море, соленое и теплое, еще там были тоннели, пробитые сквозь горы и ведущие из города в город, и...

Я вернулась загорелой дочерна.

– Ай да Монте-Негро! – захохотала Лолка, открыв дверь и увидев меня.

Я в свою очередь заметила у нее на шее жемчужный кулон на золотой цепочке и сказала, ничегошеньки не подозревая:

– Поздравляю с обновкой.

– Спасибо, – ответила Лолка и прикрыла кулон ладонью, словно пряча его от меня.

– У меня для тебя тоже сувенирчик, – сообщила я, проходя в комнату. – Правда, простенький. Там все так дорого, в этой загранице...

– А я замуж выхожу, – сказала вдруг Лолка мне в спину.

– Как – замуж? – я круто обернулась. – Ты ж ни в кого не собиралась влюбляться!

– Я и сейчас не собираюсь этого делать... Просто так вышло.

– Что – вышло?

– Понимаешь, он сам сделал мне предложение. Это – его подарок. А я подумала: папочка – профессор, денег куры не клюют...

– Ничего не понимаю, – я уставилась на Лолку, сообразив, о ком речь. – Ты же сама говорила, что он худой, как жердь...

– Да, но в постели этого не видно.

– А вы с ним что, уже и в постели побывали?!

– Не смотреть же друг на друга, когда и так все ясно.

Комната закружилась у меня перед глазами. Я готова была ударить Лолку, вцепиться в ее угольно-черные кудри... Она, видно, почувствовала это и отступила.

– Я думала, мы подруги... – пролепетала она.

– Я тоже так думала, – холодно сказала я.

– Кстати, деньги за путевку можешь не отдавать...
– Угу, – ядовито сказала я. – Папа-профессор все компенсирует.
– Ты позлился немного и остынь, а я пока тебе кофе сварю. Бразильский, чер-
ный, как ты любишь.

– Конечно, конечно, – я никак не могла уняться. – У нас теперь и кофе имеется, как в лучших домах Лондона...

Лолка, не ответив, двинулась на кухню. А я вышла на балкон, глотнуть свежего воздуха. «Может, броситься вниз?» – мелькнуло в голове. И это будет моя месть им всем. Но я не бросилась. Напротив, я пошла на кухню и помирилась со своей подругой. Нашла в себе силы. Потому что решила отомстить ей позже. Правда, пока не знала, как. Я даже нашла в себе силы отправиться с ней на пляж на своеобразный девичник. С заплывом за буйки и дискотекой.

...А потом мы перерыли весь песок на пляже в поисках Лолкиного кулона.

– Я же сняла его с себя, прежде чем зайти в воду! – рыдала Лолка. – Я же его сама в сумку положила! Вот сюда, в кармашек!

...На свадьбе своей подруги я изо всех сил пыталась изобразить радостную улыбку на своей кислой физиономии, но под конец не выдержала, сбежала в туалет, и там, глядя в мутное зеркало, разрыдалась. Следом за мной зашла Лолка. Я со злостью подумала, что диадема на ее голове плохо сочетается с крупными чертами ее лица, и платье невесты сидит на ней криво, и вообще, ей больше подошел бы водолазный костюм!!!

– Забудь обо мне, – сказала я, приводя лицо в порядок.

– Что ж, так тому и быть, – согласилась Лолка.

– Мне жаль, что так получилось.

– Мне тоже. Желаю удачи.

– И тебе семейного счастья, – процедила я сквозь зубы.

...Кто бы тогда сказал мне, что через двадцать пять лет я заведу молодого любовника! Что он сначала выложит на песке ракушками свой номер телефона. И надпись: «Позвони мне!». И долго будет посылать мне с берега воздушные поцелуи. Каков нахал!..

– Вы замужем?

– Молодой человек, – ответствовала я, подняв на лоб противосолнечные очки, – я дама в возрасте, со мной всякое может быть.

– Необычный ответ! – расхохотался он. – Так как – договоримся?

– Хам, – царственно ответила я и пошла в море.

...А вечером я металась по дому: позвонить, не позвонить? Номер телефона, выложенный разноцветными ракушками, не выходил у меня из головы. Память у меня отменная. Иногда я жалею об этом. Как я только ни старалась забыть отдельные моменты своей жизни – память не давала сделать этого. В памяти все было строго разложено по ячейкам и полочкам...

Наконец я решила и набрала номер.

– Я знал, что ты позвонишь, – услышала я ЕГО невероятно сексуальный голос.

– Я это сделала лишь для того, чтобы сказать: ты чересчур самонадеян!

– Вот и отлично, – рассмеялся ОН. – Махнем куда-нибудь?

– А что, есть куда?

– Обижаетесь! У меня дача есть. От папаши в наследство досталась.

– Не думаю, чтобы твоему отцу понравились наши отношения...

- Мои родители погибли три года назад в авиакатастрофе, – сухо сообщил ОН.
- Извини, не знала...
- Все нормально. Я за тобой сейчас заеду.
- Ты даже знаешь, куда?!
- А то, – усмехнулся ОН.

...Все завертелось легко и просто. У меня появился молодой возлюбленный по имени Стас. И мне было так здорово с ним, что я стала втайне надеяться: это не сын моей подруги Лолки, ну и что, что похож, мало ли кто на кого похож в этой жизни?!

По утрам, нежась в постели, я ждала неперменного подноса с чашкой ароматного кофе и поджаренными тостами. Отправляясь в загородные прогулки, мы выбрали самые дорогие, самые фешенебельные рестораны. Дважды съездили в Рим.

Мои родные дружно обвиняли меня в безнравственности. Но мы со Стасом любили друг друга, и нам на все было плевать. Я свято верила, что безнравственности просто не может быть места там, где царит истинная Любовь!

...Я не знаю, сколько бы это продолжалось, как долго я вкушала бы свое счастье... Но как-то раз, бесцельно бродя по даче, я от нечего делать выдвинула тяжелый ящик старинного комода. Не знаю, почему я это сделала. Наверное, подсознательно я искала доказательства того, что я живу не с сыном своей бывшей подруги. И мне никогда не будет за это стыдно, ни перед родственниками, ни перед кем вообще.

В ящике я нашла, среди прочего, продолговатый конверт, на котором было написано мое имя. Я вздрогнула.

Конверт не был запечатан. Я достала листок бумаги, на котором Лолкиным почерком было написано:

«Элька, я не знаю, какая кошка между нами пробежала. Я пыталась до тебя дозвониться несколько раз, но ты даже трубку не берешь. Я ведь ни в чем перед тобой не виновата, поверь. Я очень больна, и жить мне осталось несколько месяцев. Диагноз сообщать не вижу смысла. И так все ясно.

Наш милый очкарик Фархад всегда хорошо к тебе относился. И он не знает о нашей с тобой ссоре. Ты могла бы сойтись с ним после того, как меня не станет, и помогать воспитывать нашего маленького сынишку...»

Я подняла глаза к потолку. Ну уж нет. Вряд ли я способна на такие подвиги – подобрать чужого мужа, да еще с целью воспитания их сына... Ты просишь у меня слишком многого... Другое дело – лечь с ним в постель...

Нет, я все-таки падшая женщина. И стервозная подруга.

– Вам нехорошо, Эльвира-ханум?

Я вздрогнула, выронив из рук листок, и круто обернулась. На меня внимательно смотрели черные, будто черешни, глаза моего возлюбленного. Но сейчас в них не было и искорки прежней влюбленности. Взгляд был холоден и внимателен.

– Я знал, что вы когда-нибудь найдете мамино письмо, – Стас отошел к окну и уставился в него. – Поэтому я не уничтожил его, найдя однажды, как и вы, в ящике.

– Но как ты понял, что оно адресовано мне?

– Элементарно, – он отвернулся от окна, подошел к комоду, выдвинул другой ящик, порылся в нем. – По фотографии. Вот по этой.

Он протянул мне выцветший полароидный снимок, на котором мы с Лолкой в обнимку стоим на пляже, мокрые и счастливые.

– Там сзади даже написано, что это вы, – добавил Стас. – Лучшая подруга.

– Но почему она не отправила письмо?

– Бог его знает, – Стас пожал плечами. – Передумала, наверное. Да, диагноз ведь не подтвердился. Мама пережила даже мое совершеннолетие. Они с отцом разбились на вертолете, три года назад... А вы ничего, оказались редкой штучкой, – он усмехнулся. – Да еще и дорогой к тому же.

Я замахнулась, желая дать Стасу пощечину. А заодно и Лолке. Ведь это была отчасти и ее щека. Стас перехватил мою руку:

– Спокойно! Не люблю женских истерик...

– Ты... ты... – я задыхалась. – И ты меня выследил... знал, какими маршрутами я передвигаюсь... изображал тут из себя...

– Спокойно, – повторил он, выпустил мою руку и достал из ящика еще один лист бумаги. – А вот эту вещичку вы мне вернете, как компенсацию за все мои ухаживания. К тому же она мамина, а не ваша. Иначе я подам в суд. У меня в друзьях опытные юристы, они привлекут вас к ответственности. Шучу, шучу, – поспешно сказал Стас с отвратительной улыбкой.

И показал мне лист, на котором был нарисован тот самый кулон с жемчужиной... А сбоку Лолкиным почерком было выведено:

«Элька, ты неправ»

– Я отдам, – сказала я, обмякнув. – Я верну. Но я не воровка! Я просто нашла эту вещь в песке... и не отдала... – Стас смотрел с усмешкой, и я чувствовала себя отвратительно и ненавидела саму себя.

...Между нами все закончилось, мой мальчик. Все чувства мои пошли прахом. И ты меня, оказывается, не любил – просто поиздевался, мести ради, поиздевался с цинизмом, унаследованным неизвестно от кого, может, от отца, ведь Лолка была намного добрее, чище, порядочнее...

– Какой же ты подлец после всего того, что между нами было, – сказала я, уходя.

– А между нами что-то было? – ухмыльнулся он. – Я и не заметил...

– Ты подлец и хам. Хорошо, что твоя мать тебя сейчас не видит.

– Хорошо, что не видит, – охотно согласился он.

...Я долго шла через лесок до автострады, потом долго ловила попутку. И тут произошло... в общем, нет худа без добра, и не бывает грусти без радости. Водитель иномарки, согласившийся меня подвезти, оказался моим бывшим одноклассником, вдовцом; за него-то я и вышла замуж год спустя.

А вот прошлую любовь, как ни старалась выбросить из головы...

Лепесток четвертый. «Эй, Карузо!»

– Посмотри, какой я тебе подарок принес.

– Это что, мне на день рождения?

Она осторожно взяла в руки изящную медную турку с длинной деревянной ручкой.

– Какой ты у меня все-таки забавный. Заботливый, и вместе с тем транжира. Я и кофе-то пью не каждое утро.

– Теперь чаще будешь пить.

– Вот только куда мы поставим эту оригинальную вещицу? – засуетилась она

по кухне, которая одновременно служила прихожей. И наконец повесила турку на гвоздь рядом с расписанными под хохлому разделочными досками. Присела на корточки, копясь в нижнем ящике стола. Он невольно залюбовался ею. Талия у нее была как у семнадцатилетней. Седые роскошные волосы, на концах загибающиеся вверх, разметались по плечам.

– Ты есть будешь? – спросила она.

– В школе перекусил.

Она взяла половник:

– Знаю, как вы там перекусываете. Сплошная сухомятка.

– Зачем же тогда спрашиваешь? – он стянул с себя плащ и отправился мыть руки. Станный он был – ее сорокалетний сынок. Все время носил широкополую черную шляпу и такого же цвета длинный плащ. Соседи его прозвали «Человек в черном» и подозревали в нетрадиционной сексуальной ориентации. Странно было, что такой красавец, любитель легендарной ливерпульской четверки и Pink Floyd до сих пор ни одну девицу в свой дом не привел! Да и в женской компании его еще никто не заметил! Разве что с пожилыми дамами – приятельницами его такой же непонятной, но всегда приветливой и милой мамыши... но ведь это не считается, правда?

В доме, в котором на одной галерее размещалось сразу несколько квартир, по вечерам часто отключали свет. Тогда она зажигала длинные свечи. Постепенно это так вошло в привычку, что они с сыном каждый вечер ужинали непременно при свечах. Временами она слушала на стареньком двухкассетнике запись Пятого концерта Рахманинова. Под эту музыку ей легче хлопоталось по дому и вообще легче дышалось.

Любопытным соседям казалось, что ее сын был воспитан в духе мужчин девятнадцатого века, и оттого был он повышенно брезглив, излишне принципиален и невыносимо занудлив. Само собой, такой кавалер мало кого заинтересует, даже если и с ориентацией у него все в порядке. А вторую такую женщину, как его мать, трудновато будет найти в современном обществе...

– Я спрашиваю тебя, потому что ты уже взрослый, – она налила сыну тарелку горячего супа и походя взьерошила ему шевелюру. – У тебя вон виски совсем седые стали. Жениться тебе пора. Я ведь не вечная.

– Ты у меня самая вечная! – он обнял мать за тонкую талию.

– Жениться тебе пора, – повторила она с грустью.

– Эту тему мы, кажется, закрыли, – он посуровел лицом. – На мое жалованье учителя словесности ни за одной девушкой особо не поухаживаешь. Отец мой тоже когда-то женился... – он принялся за суп.

– Твой отец совсем другой случай. Невостребованный Карузо... Прежде чем взойти на большую сцену, ему надо было трудиться над собой в поте лица, а не надеяться на удачу... А тут ты появился. Комната в коммуналке. И еще моя мать против него ополчилась...

– Ты обещала мне рассказать подробно о моем отце, – напомнил он, продолжая есть.

– Нечего мне рассказывать.

Она с сердитым видом села в кресло и взяла в руки спицы. Стала вязать что-то коричневое и длинное. Что-то вроде шарфа. Кончики спиц заходили в ее подвижных, но уже морщинистых пальцах. Лицо стало сосредоточенным и даже суровым.

– Нечего мне о нем рассказывать, – повторила она уже тише, словно для себя.

– Слабохарактерным оказался твой отец. Говорят, под конец даже запил. Царство ему небесное.

– Но ты наверняка его любила, – он доел суп, встал и подставил тарелку под тонкую струю из крана. – Вот черт, опять воду перекрыли.

– Поначалу всегда и всех любишь, – откликнулась она. – Лучше расскажи, как у тебя дела в школе.

– Ничего интересного, – он заскреб щеточкой по грязной тарелке. – Все как обычно. Рутинка. Милютин подставил ножку Мамедовой прямо на уроке. А Гасанов перепутал «Вишневый сад» с вишневой аллеей... Ты была права: не я их воспитываю, а они меня.

Он не заметил за разговором, как мать отложила вязание, надела свое любимое строгое серое платье с ажурным воротничком и стала доставать из ячейки аккуратно протертые туфли на невысоком каблуке. Поморщилась, дотронувшись ладонью до виска. Порылась у себя в сумке, потом заглянула в аптечный шкафчик.

– Мама, мы, кажется, договорились, что ты оставишь свою работу и пойдешь к врачу, – укоризненно сказал он, заметив ее действия.

– Договорились. Вот после Нового года и схожу. А работа меня нисколько не напрягает. Мальчик спокойный. Умный и ласковый. Родители обещали плату увеличить. Нам с тобой надо рамы поменять да полы перестелить. Твоего жалованья, как ты выразился, на это точно не хватит. Ты лучше подумай, кого ты бы хотел пригласить на свой день рождения.

– Как обычно, – пожал он плечами. – Тетю Таю с тетей Валец.

– Это с моей стороны.

– А с моей никого. Ты же знаешь, у меня на работе все как пауки в банке.

– Та-ак, значит, с коллегами у нас неладит...

– Но, мама...

– Да мне и так все ясно. Останешься в конце концов один.

Она ушла раздосадованная, громко хлопнув дверью, унося с собой упаковку таблеток от головной боли. А он остался в плохом настроении оттого, что в который уже раз огорчил свою мать, и оттого, что будет ужинать при свечах один и смотреть по телевизору чемпионат мира по ненавистному ему хоккею. Или же обсуждать по телефону с единственным другом политическую обстановку в Европе.

...В дверь постучали. Или это ему почудилось?.. Он встал и убавил громкость у телевизора. Стук повторился. Даже не совсем стук, а как будто кто-то скребся, осторожно, словно кошка, явившаяся в надежде на то, что ее не прогонят.

Он отпер замок, открыл дверь. За дверью стояла совсем молоденькая девушка в простеньком цветастом платье. Такие ситцевые платья уже мало кто носил. На шею был кокетливо наброшен прозрачный шарфик.

– Вы мой сосед. А я Катя, – она робко протянула руку.

– Очень приятно, – ошеломленно ответил он, слегка поклонившись, не менее робко пожал девичью руку. Можно сказать, чуть прикоснулся.

Внезапно осмелев, девушка вошла в комнату, принялась с любопытством озираться и трогать разные предметы.

– А это что? – коснулась она радиатора.

– Это всего лишь электробатарея, – буркнул он.

– А-а... А у нас «буржуйка». Ещё с войны сохранилась. А это что?..

– Обыкновенный электроутог.

– У вас что, все электрическое?
– Ну да, – удивленно ответил он и сострил: – И даже лампочки.
– Какой вы смешной, – девушка Катя заглянула ему в глаза. – И, по-моему, вы очень робкий.

– Вы вообще кто? – спросил он сердито.

– Я Катя, – повторила она. – Ваша соседка. Живу напротив.

– Напротив уже полгода, как идет ремонт.

– Нет, вы смешной, ей-богу, – засмеялась она – Можно подумать, что во время ремонта нельзя жить! Ой, совсем забыла, почему я здесь. Я пришла, чтобы предупредить: ровно в полночь под вашим балконом будет петь один товарищ.

– Вы пришли сказать, что под моим балконом будет кто-то петь? И после этого вы называете меня странным?

Вместо ответа Катя посмотрела на стену и вдруг сказала: – Здесь должны висеть большие часы, старинные, с маятником и боем. Где они?

– В комиссионку снесли, – машинально ответил он и не соврал, поскольку часы, доставшиеся в наследство от прадеда, действительно висели когда-то на стене, но давно уже не издавали красивого раскатистого боя. – Э, – спохватился он, – а вам-то откуда известно?..

– Неважно. Так вот: под балконом будет петь мой кавалер. Потому что наш балкон находится в кабинете моего отца, и он до поздней ночи работает над своими чертежами.

– С ума сойти...

– Не думаю. Мой кавалер неплохо поет. Просто мой отец против того, чтобы его дочь вышла замуж за оперного певца.

– А за Джона Леннона – отец не был бы против? – не удержался он.

– Да вы что? – изумилась девушка. – Он ведь запрещенный...

Она вернулась на кухню, служившую одновременно прихожей. Он озадаченно проследовал за ней. У него возникло странное ощущение: будто за ним и за Катей кто-то наблюдает. И даже не одна пара глаз, а несколько.

– Ой, какая интересная вещица! – девушка сняла с гвоздика турку и стала с любопытством ее рассматривать.

– Это мой подарок маме, – объяснил он и на всякий случай ногой задвинул далеко под стул магнитофон-двухкассетник.

– А вы что, до сих пор живете с мамой?

– А что, это запрещено законом? – ошетинился он, ненавидевший этот часто задаваемый вопрос.

– Нет, вы определенно смешной. А знаете, со мной в последнее время тоже творятся странные вещи. Мне недавно гадалка нагадала, что я умру под Новый год. Только не сказала, от чего. Может, это будет несчастный случай... Ладно, я вас, наверное, заболтала совсем и оторвала от дел... Спокойной ночи, Влад. Я угадала, вы ведь Влад? Ах, не спрашивайте, откуда я это знаю. Сегодня действительно необычный день.

Катя исчезла, словно растворилась в воздухе. На полу остался лежать ее шарфик. Он хотел было его подобрать и броситься вдогонку за девушкой, но вместо этого бросился звонить по телефону.

– Мама, с тобой все в порядке? – почти прокричал он в трубку.

– Со мной все в порядке, – сонным голосом ответила ему мать. – Разве я тебя не предупреждала, что вернусь утром? Тут малыша не с кем оставить. Родители в ре-

сторане что-то празднуют. Послушай Рахманинова, он успокаивает нервы. Поужинай...

– ...и не забудь почистить зубы, – закончил он и положил трубку.

Нет, его мать неисправима. Она будет работать до тех пор, пока не потеряет полностью здоровье и не ляжет. А может, она просто тоскует по внукам, которых нет. И, скорее всего, уже и не будет.

Влад поднял с полу шарфик и ощутил вдруг легкий запах до боли знакомых духов!!! В детстве он этот запах улавливал, когда мать пела ему колыбельную, а сама поглядывала на старинные часы. Мать каждый вечер ходила к соседке смотреть телевизор. Влад даже помнил неудобопроизносимое название бесконечного телесериала – «Сага о Форсайтах». Вспомнил Влад и своего отца, который прогуливался с ним по бульвару и покупал трехлетнему сыну сладкие тянучки и воздушные шары. Влад только не помнил, пел ли отец, и когда он исчез из их с мамой жизни...

О нет... Спыхватившись, Влад выскочил на балкон. Внизу никого. Улица была совершенно пустой. Вполне возможно, что над ним просто подшутили. Хотя шутка казалась вовсе несмешной.

– ...Прошу прощенья, сударь, вы, вероятно, брат Кати? – послышался голос снизу. Влад не заметил в задумчивости, как простоял на балконе около получаса. Он посмотрел вниз. В тусклом свете единственного уличного фонаря виднелся невысокий коренастый человечек, переминавшийся с ноги на ногу и державший в руке шляпу. – Или, может, я ошибся балконом?

– Нет, не ошиблись. Я действительно ее брат, – соврал Влад, и соврал впервые в жизни. – Вы петь пришли, да? Можете петь громко. Видите ли, Катя заперлась у себя в комнате и не желает выходить.

– Ах, какая досада, – огорчился человечек. – Катя мне говорила, что у нее строгий отец. А я сегодня еще и не в форме. Так что разрешите откланяться.

– Куда вы, сударь? – насмешливо сказал Влад и вдруг помимо воли у него вырвалось: – Вот не ожидал, что мой папаша окажется таким трусом.

– Как вы меня назвали? – изумился человечек. – Папашей?

– Я назвал вас трусом, прежде всего, – холодно ответил Влад. У него стучало в висках.

– Честь имею, – зло сказал человечек и скрылся в темноте.

...Мать вернулась под утро уставшая, но какая-то вся одухотворенная. Присела на краешек дивана и с удовольствием скинула туфли на каблуках.

– Представляешь, они мне сказали: вы у нас, Екатерина Петровна, просто праздник! – радостно поделилась она. – Прямо так и сказали!

– Значит, вы с моим отцом не были даже женаты? – хмуро спросил Влад.

Мать смолкла на полуслове, озадаченно глядя на сына.

– Я... Мы... Ты... – сбивчиво начала она и вдруг заметила висевший на спинке стула прозрачный шарфик, забытый девушкой Катей, заметила и ахнула: – Боже мой, а я-то думала, что потеряла его сто лет назад! Где ты его нашел?

– Ответь сначала на мой вопрос, – несколько мягче сказал Влад.

– Что ж, – решила мать, нервно наматывая шарфик на указательный палец. – Если ты так уж хочешь поговорить на эту тему – да, мы с твоим отцом не смогли быть вместе. И меня выдали замуж совсем за другого человека, как только обнаружилось, что я жду ребенка. Хочешь знать, кто был мой муж?

– Нет, – ответил Влад, нервно озираясь.

– Почему? Ты чего-то боишься? Что здесь произошло?

– Не знаю... Мне почему-то кажется, что у этих стен есть... глаза.

– Ты прав, – мать поднялась. – Ты прав. У этих стен есть не только глаза, но и уши. Именно потому наш дом еще не снесли. Я, кажется, поняла, – сказала вдруг она. – Шарф – это знак...

Как была, босая, мать вышла на балкон. И Влад, оставшийся в комнате, услышал, как она с кем-то разговаривает...

– Эй, Карузо! – задорно сказала мать. – Давно тут стоишь?

– Да ради тебя, любимая Ванга, готов стоять хоть всю ночь! – ответил мужской голос. – Хоть под дождем, хоть под снегом!

Влад вскинулся. Ванга? Какая Ванга? Почему Ванга? Эй!..

...Влад, сжавшись в комок, сидел на краешке дивана и оцепенело смотрел на гроб, стоящий на столе. Ему не было дела до теток, снующих вокруг стола, обсуждающих детали похорон, беспрестанно что-то поправляющих, спрашивающих у него, где что лежит, и не получающих ответа. Он ничего не слышал и ни на что не реагировал. Хорошо хоть, нашлись добрые люди, взявшие на себя значительную часть скорбных хлопот.

Ему казалось, что его жизнь до сих пор была бессмысленной, и в этом, несомненно, есть доля и его вины. Но теперь кто-то ставил большую жирную точку на всем том, что было прежде. Теперь Влада словно отпускали в свободное плавание, где он будет предоставлен себе самому...

...Примерно через несколько дней Влад возвращался домой в сумерках; он шел через сквер с неработающим фонтаном. Внезапно его окликнул звонкий девичий голос. Влад обернулся, присматриваясь.

– Вы меня помните? – девушка сидела на барьере, опоясывающем фонтан, болтая ногой, и непонятно было, то ли это случайная встреча, то ли она специально поджидала Влада.

– Я вас помню, – тихо сказал он. – Вы Катя. Соседка напротив.

Она засмеялась:

– Мне так приятно, что вы не забыли мое имя! Вы сильно заняты? Может, сходим куда-нибудь? Вечер просто чудесный, не хочется его терять...

– Да, действительно, великолепный вечер... Но... а как же ваш оперный певец?

– Какой певец? – не поняла девушка.

Они помолчали. Потом Влад глубоко вздохнул.

– А знаете, – сказал он твердо, – вы не умрете под Новый год!

– Уже догадалась, – со смехом отозвалась Катя.

– Нет, вы умрете... но это будет очень, очень и очень не скоро.

Лепесток пятый. Вороны на каблуках

Мне так понравилось сидеть в этом роскошном кафе под чудным названием Round! Отколупывать с помощью вилки и ножа верхний слой пиццы «Маргарита» и прихлёбывать кофе из внушительного размера чашки. И это после того, как наши гудящие ноги обойдут трехъярусный осенний парк вдоль и поперек, не пропустив ни одной аллеи, ни одной тропиночки. И лишь затем мы распахнем двери павильона, где из кранов вытекают целебные минеральные воды. Теплые и холодные. Под номером 7 и под номером 4. Я уже не в состоянии терроризировать свой желудок и вкусовые

рецепторы этой содовой дрянью. А ты продолжаешь вливать в себя стакан за стаканом. Что называется, дорвался. Я сижу на скамье, рассматривая колонны в античном стиле. Жду, когда ты напешься.

Мы двигаем в кафе, Оно открывается ровно в десять ноль-ноль. Там нас с тобой запомнили ещё с позапрошлого года. Гостеприимно улыбаясь, подают горячий, истекающий маслом хачапури.

...А на другое утро пиццу. А на третье – снова хачапури...

The Aleks...

До того, как мы с тобой встретились и связали свою судьбу морским узлом, который никто из нас не в состоянии разрубить даже самым острым из коллекционируемых тобой ножей, я была по-настоящему счастлива. Потому что родилась в эСэСэСэР. И задолго до того, как узнала о тебе, я дважды в год совершала перелеты на отечественных огромных белых лайнерах в разные города необъятной родины. Меня чуть-чуть напрягали «воздушные ямы» – в отличие от тебя, который ничего не страшился. И не подозревал о моем существовании. И это было скорее плюсом, чем минусом для нас обоих.

Меня приветствовали Москва, Ленинград, Беларусь и Литва.

Тебя – Камчатка и Сахалин с Курилами.

И так бы и летали мы по разным траекториям над нашей необъятной родиной, если б не развал Советского Союза. Дружба народов треснула по швам. Её и поныне удерживают только те небольшие перенаселенные городки, по которым мы с тобой теперь лазаем, прячась то в кафе, то в глубине парков. Да и то лишь потому, что тут благополучно прижились твои и мои дальние родственники, которые нас могут бесплатно приютить и накормить во время наших незабываемых отпусков.

Который уже приезд сюда я натываюсь на беременный живот твоей троюродной сестры. Сколько у нее детей – я не берусь сосчитать, поскольку никогда не дружила с арифметикой. Но их, вероятно, много, так как продавщица, у которой мы регулярно отовариваемся детскими тарелочками и бутылочками с сосочками, нам несказанно рада. Кстати, английский язык мне всегда давался лучше арифметики. Но усовершенствоваться в нем до победного конца помешал мне именно ты – тем, все-таки женился на мне. Ты сказал тогда: «А на фига тебе твой английский?».

Действительно – на фига мне МОЙ английский?.. Тем более, что на нем теперь болтают все, кому не лень, включая детей твоей троюродной сестры. Они его изучают с детсадовского возраста.

А вот зачем он мне, топающей по осенней листве местных парков? Непонятно. Мне, постоянно слышащей то русскую речь, то армянскую, то азербайджанскую, то грузинскую? На фига мне вообще английский? Или французский, к которому я мечтала приступить после того, как покончу с английским и примусь за немецкий. Это все не мое. Мое – это твои родственники, сующие мне под нос семейные альбомы, от которых уже рябит в глазах и портится зрение.

...Это кто? Альбертик – с белой попкой на горшке? Какая прелесть. А это кто – талантливая, с великим будущим Манана, с носом как у Лайзы Минелли... А ЭТО, кажется, несравненная усатая тетя Джамилля, готовящая приторный чак-чак и варенье из сосновых шишек. Из тех самых, что хрустят у нас под ногами. И надо сказать, смолянными и хрустящими под ногами они мне больше нравятся, чем жалко вымоченными в сахарном сиропе на дне вазочек.

Вот ты мне скажи, The Aleks – почему я должна выдерживать душные объятия

твоей многонациональной родни? Выслушивать симптомы поносов и золотух, делая вид, что мне это безумно интересно? И присутствовать за столом во время бесформенных и тошнотворных диспутов на политические темы? И все это до спазмов в шейных мышцах?

Неужели нельзя приехать тайно и без всяких объявлений поселиться в самой загаженной гостинице (загаженной – это преувеличение, конечно, поскольку эпоха загаженных гостиниц с хамоватым обслуживающим персоналом канула в Лету)? Но ведь наш с тобой кошелек – один на двоих – осилит, надеюсь, на шесть дней современный гостиничный номер с чистым унитазом?.. Хотя он далеко не трещит по швам, наш с тобой кошелек, но все же выдерживает ворох скупаемых сувениров, которые у твоих и моих родственников (многонационального отряда, в котором намешано семь-восемь кровей) вызывают лишь кислую улыбку. Ведь все, что мы покупаем в подарок в нашем родном городе, благополучно отыскивается потом в торговых рядах нижнего парка города Кисловодска. Все эти яркие фарфоровые расписные гранаты и стаканчики-«армуды» в узорчатых подстаканниках...

Кстати, я уже не первый год в этих рядах порываюсь купить майку с гламурным портретом Путина в темных очках. Но ты, такой-сякой, почему-то этому препятствуешь. Мол, наш, родной президент не хуже выглядит.

Да, но портреты нашего президента не печатают на майках...

Хочу майку с Пу... хочу майку с Пу...хочу... хочу... хочу...

Ты оттаскиваешь меня от прилавка так быстро, словно боишься, что я лягу на асфальт и буду колотить о него ногами.

Кстати, о Кисловодске... есть еще небольшая надежда смыться туда хотя бы на день. Но только это надо делать осторожно, на цыпочках, держа обувь в руках, чтобы не услышала твоя многонациональная родня. Иначе нам навяжут кого-нибудь из детей: «Возьмите с собой маленького Додика, он никогда в Кисловодске не был, зато он знает самый кратчайший путь к железнодорожному вокзалу и расписание всех электричек». Маленький Додик – Давид, семнадцатилетний паренек. Сильный, плечистый. Тот самый, что любезно тащил на себе с вокзала все наши сумки, включая чемодан на колесиках. Судя по всему, он не раз порывался сбежать из дому. Мы берем его с собой. Обходим с Додиком весь верхний парк Кисловодска... При этом мы совершенно зря надеемся, что малый наконец утомится нашим бесцельным променадом по сосновым шишкам, что ему наконец осточертеет фотографировать нас на телефон под каждой сосной и на каждой скамейке, и что он наконец плюнет и побежит на электричку, не дожидаясь нас. Мы все-таки тащимся в вожделенный торговый ряд, где тебя ждут ножи всех типов и размеров, а меня – колечки, статуэтки, брелоки, шарфики, майки... Мы нарочно подолгу стоим в тени навесов (измученные палящим солнцем в середине октября) и делаем вид, будто никак не можем что-либо выбрать. Додик терпеливо и безропотно торчит за нашими спинами. Все еще надеется, что этот уикенд доставит ему хоть какое-то удовольствие.

...И вот наконец настал час нашего вожделенного кафе! Но на сей раз уже вряд ли гламурного, поскольку мы идем туда с Додиком. Паренек любит поесть. И это вполне естественно. Растущий организм требует нормальной еды в больших порциях. При виде трех обезжиренных блинчиков, политых наперстком горячего шоколада, Додика разбирает истерический хохот. Он хрюкает и портит нам трапезу.

– Это не солдатская столовая и не столовая общепита, где перед тобой ставят тарелку с горстью коричневой вермишели, – пытаюсь я втолковать Додику. – Это

кафе, где получают эстетическое наслаждение от интерьера и музыки.

Додик тупо смотрит на меня, запихивая себе в рот все три блинчика разом, из чего я делаю вывод, что он вряд ли что-то уяснил из сказанного мной.

Ты, как я чувствую, тоже не очень-то доволен такой концовкой дня. Тебе бы куда-нибудь в гости, чтобы там умять тарелку шашлыка под спиртное. Шашлычок под коньячок – это здорово. Плохо потом мне выволакивать тебя из такого вот застолья.

The Aleks...

Я смертельно устала вырывать из твоих рук рюмки в нетрезвых компаниях.

Я смертельно устала выслушивать твой пьяный бред о твоём не победоносном прошлом. И о том, как бы ты был счастлив, если бы не я... и не ты... и не Мы вместе взятые с тобой.

Я устала оттого, что до сих пор не могу без тебя жить. Что я всё ещё держусь за твою руку, спускаясь по крутым ступенькам жизни. Я без тебя даже кеды не могу как следует зашнуровать. И некому, кроме тебя, сделать мне комплимент, что мне, как всегда, семнадцать лет и ни годом больше. И дело не в том, как я выгляжу, а в том, что я веду себя, как семнадцатилетняя, Мыслю, Живу и Дышу. И до сих пор хочу отомстить тебе за нашу первую встречу, раздевая тебя догола в сувенирных лавчонках, скупая стеклянные кружки с надписью «ЕССЕНТУКИ», браслеты и кольца с малахитом... Мне из этого ничего не понадобится. Скорее всего, одни из этих побрякушек по приезду домой лягут на дно таких же приобретенных по случаю шкатулок и вряд ли всплывут когда-нибудь на поверхность, а другие станут украшением моих рук, сморщенных от возраста и от домашних работ. Я это всё скупаю потому, что этого всего здесь много, и это всё так и мозолит нам глаза.

Я больше ничего не умею. А ты больше ничего не имеешь....

...У нас с тобой даже белку накормить не получается, не то что Додика. Когда наши карманы пусты, белки требовательно дергают нас за полы. А когда мы набиваем карманы орехами, так ни одной белки, как назло, не видно. Может, эти белки нас просят о чём-то другом? Например, хотят спасти наши души?...

The Aleks...

На самом деле я смертельно боюсь того часа, когда нам обоим наскучит умиляться пушистыми сувенирными зверьками и стеклянными статуэтками. Когда у нас не будет возможности отыскивать затерянные миры среди сосновых рощ. Наслаждаться шуршанием разноцветных листьев под ногами, чашкой капучино в роскошных кафе и смешными побегами от всех твоих и моих родственников.

Что же мы тогда будем с тобой делать, THE ALEKS???

...Вороны разбушевались. Теперь они не просто топают по крыше, словно каблуками, они, кажется, намерены разбросать крышу по черепкам...

А за окном меж тем с полуночи льет долгожданный дождь. Сбивая последние листья с деревьев. Из всех сил барабана по крыше.

Чего же мы с тобой лежим? Лежим и ждем, когда за нами придет с зонтиком Додик или его мама и нас поведут завтракать?

Мы им под конец не сдадимся. Так что накидывай капюшон на голову и айда в кафе! А во второй половине дня мы с тобой уже будем мчаться на такси в аэропорт, удачно открестившись от заготовленных нам в качестве гостинцев банок с вареньем. До будущего года.

Баку – Ставрополь – Эссенуки – Кисловодск – Баку, октябрь 2016